

СОНА СКОФИЛД

РАЗВОД В 44 ЕГО ЛЮБОВНИЦА ИСЧЕЗЛА

Сона Скофилд

**Развод в 44. Его
любовница исчезла**

«Автор»

2026

Скофилд С.

Развод в 44. Его любовница исчезла / С. Скофилд — «Автор», 2026

В день, когда мой развод стал официальным, мне позвонила Алиса — любовница бывшего мужа. Она успела попросить лишь об одном: не подтверждать алиби Руслана. К полуночи Алиса не вернулась домой. Теперь бывший требует, чтобы я солгала. Полиция изучает документы, способные разрушить его компанию. Кто-то подделывает доказательства против меня. А Лев Снегирев, брат пропавшей, не доверяет мне, хотя без моих показаний не может восстановить последние часы сестры. Правда, я тоже не обязана доверять ему. Мне сорок четыре. Я уже потеряла брак и больше не собираюсь терять себя. Но чтобы найти Алису живой, мне придется довериться мужчине, который привык все решать сам, и понять, можно ли начать новую любовь там, где все началось с измены и ложного алиби.

Содержание

ГЛАВА 1. 18:12	5
ГЛАВА 2. Последний номер	9
ГЛАВА 3. Конверт для полиции	14
ГЛАВА 4. Чужое алиби	19
ГЛАВА 5. Не моя соперница	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сона Скофилд

Развод в 44. Его любовница исчезла

ГЛАВА 1. 18:12

В день, когда решение о моем разводе вступило в силу, любовница бывшего мужа позвонила мне в 18:12. Домой она в тот вечер не вернулась.

Утром я об этом, разумеется, не знала.

В девять часов секретарь суда отдала мне копию решения с синей отметкой. Я проверила дату, номер дела и написание фамилии. За восемнадцать лет работы в ЕДДС я видела достаточно последствий одной неверной цифры, поэтому документы читала с конца: подпись, печать, дата, а уже потом содержание.

— Все верно? — спросила секретарь.

— Теперь да.

Она посмотрела на меня внимательнее, вероятно ожидая слез, облегчения или хотя бы вопроса о том, что делать дальше. Я поблагодарила ее, убрала копию в папку и вышла в коридор.

Наш брак с Русланом прекратился не в тот момент, когда я узнала об Алисе. И не в тот вечер, когда он собрал два чемодана и сказал, что нам обоим полезно пожить отдельно. Юридически он закончился сегодня. Все остальное произошло раньше и не нуждалось в новой дате.

Руслан в суд не приехал. Месяц назад он присутствовал при оглашении, потом отказался от обжалования. Имущество мы разделили заранее: загородный дом продали, накопления поделили, моя квартира осталась моей. Последним общим делом был счет за электричество в доме, и его должны были закрыть в четверг у адвоката.

На улице шел мелкий дождь. Я раскрыла зонт, дошла до машины и положила папку на заднее сиденье. Телефон показал сообщение от Руслана.

«Получила?»

Я ответила: «Да».

Через минуту появилось второе.

«Надеюсь, теперь обойдемся без войны».

Войны у нас не было. Были его десять месяцев с другой женщиной, мои несовпадающие вопросы и его привычка называть прямой ответ скандалом. Я не стала объяснять разницу. Зabloкировать номер было нельзя до четверга, а вступать в последний спор — незачем.

Домой я вернулась после одиннадцати. Папку убрала в нижний ящик письменного стола к соглашению о разделе имущества. Потом позвонила в страховую, отправила копию решения в банк и отозвала доверенность, по которой Руслан мог получать мои заказные письма. Все это занимало больше времени, чем человеческое решение уйти, и требовало гораздо больше точных формулировок.

К четырем часам список закончился. Я открыла окно на кухне, услышала, как во дворе спорят из-за парковочного места, и поняла, что весь день ждала особенного ощущения. Свобода не наступила торжественно. В квартире просто больше не было ни одного дела, которое я обязана согласовывать с бывшим мужем.

Я разогрела ужин и позвонила Валентине Ильиничне, чтобы подтвердить смену на среду. Мы обсудили замену Златы на первые два часа, новый порядок передачи карточек и неисправную гарнитуру на втором пульте. О моем разводе руководитель спросила только после рабочих вопросов.

— Завершилось?

— Сегодня вступило в силу.

— Тогда завтра отдыхай. В среду жду без подвигов.

— У меня их по графику нет.

— У тебя они обычно проходят как переработка.

Я улыбнулась уже после того, как мы попрощались. Валентина Ильинична редко шутила, но попадала точно.

В 18:12 на экране высветился незнакомый городской номер. Я почти не ответила. В последние недели мне звонили оценщики, юристы и покупатели старой мебели из дома, а все обязательные разговоры уже были назначены.

На четвертом гудке я приняла вызов.

— Евгения Павловна?

Женский голос я раньше слышала только однажды, когда Алиса случайно ответила на телефон Руслана и сразу отключилась. Этого хватило, чтобы узнать ее сейчас.

— Слушаю.

— Это Алиса Снегирева. Мне нужно сказать вам одну вещь. Пожалуйста, не кладите трубку.

Я села за кухонный стол. На нем лежали часы, которые я сняла, когда мыла посуду. Секундная стрелка прошла отметку двенадцать.

— У вас есть минута.

— Если Руслан попросит подтвердить, что сегодня после шести был у вас, не подтверждайте. Он не был.

Несколько секунд я ждала продолжения. За ее голосом слышался ровный шум вентиляции и редкие шаги. Не улица, не машина.

— Вы выбрали странный день для заботы о моей правдивости.

— Я понимаю, как это звучит.

— Сомневаюсь.

Она помолчала. Я могла закончить разговор. Вместо этого посмотрела на время: 18:13.

— Зачем ему алиби?

— Он видел меня в офисе. Мы говорили о документах, которые он подписал. Если он скажет, что приехал к вам раньше восьми, это будет ложь.

— Каких документах?

— Два акта. Там работы, которых не было, и...

Шаги стали отчетливее. Мужчина произнес где-то рядом:

— Алиса, вы еще здесь?

Она ответила не ему, а мне:

— Только не соглашайтесь. И сохраните его сообщение, если он напишет.

Связь оборвалась.

Я еще несколько секунд держала телефон у уха. Потом открыла журнал вызовов. Продолжительность — одна минута сорок одна секунда. Входящий в 18:12.

Первым желанием было не перезвонить. Алиса знала, что Руслан женат. Не с самого начала, как он потом уверял, но достаточно давно, чтобы уйти. Она осталась. Теперь она вмешалась в день, который не принадлежал ни ей, ни ему.

Я встала, дошла до раковины и вернулась к столу. В ее просьбе не было попытки вернуть Руслана или объяснить мне их отношения. Она назвала время, документы и будущую ложь.

В 18:17 я набрала номер. После нескольких гудков включился автоответчик.

— Алиса, это Евгения. Я перезвонила. Скажите, где вы и нужна ли вам помощь.

Слова прозвучали слишком официально, но менять их было поздно.

В 18:21 я позвонила снова. Телефон оказался выключен или вне сети.

Я открыла заметки и записала:

«18:12 — Алиса. Руслан может просить алиби после 18:00. Встреча в офисе, два акта, работ не было. Мужской голос: “Алиса, вы еще здесь?” Обрыв. Обратные звонки 18:17, 18:21».

Это была рабочая привычка, а не начало расследования. Человек ошибается уже в первые минуты после необычного разговора: меняет порядок фраз, достраивает интонации, забывает паузу. Я записала только то, что слышала. Мужской голос мог принадлежать любому сотруднику.

В 18:29 я отправила Алисе сообщение: «Подтвердите, что с вами все в порядке. Если нужна полиция или медицинская помощь, напишите адрес».

Ответа не было.

Я нашла в контактах Руслана, но звонить не стала. Алиса предупредила, что он сам попросит об алиби. Если ее слова были способом втянуть меня в их ссору, его действия это покажут. Если нет, мой звонок мог подсказать ему, что она успела рассказать.

Так я рассуждала за кухонным столом, глядя на остывший ужин и отметки времени. Спокойствие давалось мне легко, пока требовалось действовать по инструкции. В личной жизни инструкции не существовало, и я почти убедила себя подождать до утра.

В 19:08 позвонил Руслан.

— Жень, привет. Ты дома?

— Да. Не называй меня так.

На другом конце возникла пауза.

— Хорошо. Евгения. Мне нужно попросить тебя об одной формальности.

— Говори.

— Если кто-нибудь спросит, я сегодня заезжал к тебе после шести. Мы обсуждали последнюю оплату по дому.

У меня оставалась слабая надежда, что Алиса ошиблась. Руслан убрал ее одной фразой.

— Ты не заезжал.

— Я знаю. Поэтому и прошу.

— Какое время?

— Примерно с шести до восьми. Два часа, Жень. Это никому не повредит.

— Мне повредит ложь. Алиса позвонила в 18:12.

Он выдохнул так близко к микрофону, что я отодвинула телефон.

— Что она сказала?

— Сначала ответь, зачем тебе эти два часа.

— У нас был неприятный разговор. Она собирается устроить проблему на работе, а потом может сказать, что я ей угрожал.

— Ты угрожал?

— Я сказал, что ее действия погубят всех. Это не угроза. Она сейчас в таком состоянии, что способна придумать что угодно.

— Где она?

— Откуда мне знать? Я уехал из офиса.

— Во сколько?

— Около шести.

— В 18:12 она была там.

— Значит, задержалась. Послушай, мне не нужно, чтобы ты врала про весь вечер. Просто скажи, что я приехал.

— Это и есть ложь.

— Двадцать один год мы могли хотя бы...

— Не используй срок брака как расчетный счет. Я не подтверждаю то, чего не было.

— Тогда ничего не говори, пока я не разберусь.

— Если меня спросят официально, я отвечу.

Он замолчал. Я услышала шум проезжающей машины и щелчок поворотника.

— Ты всегда умела сделать все окончательным, — сказал он.

— Сегодня подходящая дата.

Я завершила вызов первой.

Через три минуты пришло сообщение.

«Я был у тебя с 18 до 20. Обсуждали закрытие счетов по дому. Если позвонит Алиса или кто-то еще, просто подтверди. Потом объясню».

Я сделала снимок экрана и переслала его на свою электронную почту. Потом снова набрала Алису. Номер оставался недоступен.

В 19:26 я позвонила в дежурную часть и спросила, зарегистрировано ли сообщение о возможной угрозе, если человек недоступен чуть больше часа. Дежурный уточнил, знаю ли я адрес, есть ли прямые угрозы, признаки нападения или сведения от родственников. Адреса у меня не было. Угроза прозвучала со слов Руслана, но он отрицал ее смысл. Я назвала имя Алисы, номер телефона и содержание разговора. Сотрудник записал сведения и попросил немедленно перезвонить, если появится адрес или родственник подтвердит исчезновение.

После этого я не чувствовала себя спокойнее, зато перестала спорить с собой о том, достаточно ли сделала.

В восемь вечера я убрала еду в холодильник. В девять проверила сообщения. В десять позвонила Алисе еще раз. В 22:37 Руслан написал: «Она не отвечает тебе?»

Я не сообщила ему ничего.

В 23:18 пришло второе сообщение: «Если выйдет на связь, скажи мне».

Я ответила: «Обращайся в полицию и к ее родственникам».

Сон не приходил. Я легла, выключила свет, потом снова встала и принесла из кухни телефон с зарядным устройством. В половине первого пришло сообщение с незнакомого мобильного номера.

«Евгения Павловна, меня зовут Лев Снегирев. Я брат Алисы. Она не вернулась домой и не выходит на связь. В полночь мне пришло отложенное письмо, которое она должна была отменить сама. В нем ваше имя и номер. Напишите, пожалуйста, когда вы в последний раз с ней говорили».

Ни обвинения, ни просьбы скрыть время. Я перечитала сообщение и посмотрела на часы: 00:34.

«В 18:12. Разговор оборвался. Я перезвонила дважды и сообщила сведения дежурному. Сохранены звонки и сообщение Руслана».

Ответ появился почти сразу.

«Что написал Руслан?»

Я не стала пересылать снимок человеку, которого не знала.

«Передам полиции. Я буду в отделе в восемь утра».

Телефон завибрировал еще раз.

«Я тоже».

Я поставила будильник на шесть тридцать, положила решение о разводе рядом с паспортом и добавила к ним лист с отмеченным временем. Утром мне предстояло рассказать незнакомым людям, почему бывшему мужу понадобилось оказаться в моей квартире в те часы, когда его любовница исчезла.

Удалить его сообщение означало бы еще раз выбрать удобство Руслана. Этого выбора у него больше не было.

ГЛАВА 2. Последний номер

К отделу полиции я подъехала без десяти восемь. Спала меньше четырех часов, но кофе не купила: от него после бессонной ночи у меня дрожали руки, а сегодня я не хотела объяснять чужим людям ни одного лишнего признака.

На крыльце стоял мужчина в темной куртке. Он держал телефон перед собой и каждые полминуты проверял экран, хотя тот не подавал сигнала. Когда я поднялась по ступеням, он посмотрел на меня.

— Евгения Берестова?

— Лев Снегирев?

Он кивнул. Высокий, с ранней сединой на висках и лицом человека, который давно перестал ждать хороших новостей. Внешне он не был похож на Алису с фотографии в профиле. Потом я заметила одинаковую складку между бровями, появлявшуюся, когда он пытался сдержаться.

— Повторите, что она сказала.

Вместо приветствия это прозвучало плохо.

— В присутствии сотрудника.

— Мне нужно знать сейчас.

— Вам нужно, чтобы мои слова зафиксировали точно. И мне тоже.

— Она моя сестра.

— Поэтому вы сейчас не лучший человек для опроса.

Он сделал шаг ко мне, остановился и убрал телефон в карман.

— Хорошо. В присутствии сотрудника.

Дежурный уже знал фамилию Алисы. Ночью Лев подал заявление, и материал зарегистрировали. Нас попросили подождать в коридоре. Он сел через два стула от меня и открыл переписку.

— Я приехал к ней в половине второго, — сказал он. — Квартира закрыта. Машины нет, но она вчера была без нее: отдала в сервис. Дома ничего не нарушено. Паспорт лежит в ящике, рабочая сумка пропала.

— Откуда вы знаете про паспорт и сумку?

— У меня запасной ключ. Я вошел вместе с сотрудниками после заявления.

Он ответил без раздражения. Я отметила это про себя и спросила:

— Когда вы общались с ней в последний раз?

— В воскресенье днем. Она сказала, что во вторник все закончит.

— Что именно?

— Я спросил. Она ответила: «Работу, отношения и одну чужую ложь». Я решил, что речь об увольнении и вашем бывшем муже.

— Почему вы ждали до ночи?

— Я не ждал. В полночь пришло письмо. Через десять минут я позвонил ей, потом поехал к квартире и вызвал полицию.

Он говорил коротко, но не торопился доказать мне собственную правоту. На его месте я, вероятно, тоже перечисляла бы время, чтобы самой убедиться, что не пропустила нужный момент.

Дверь кабинета открылась.

— Снегирев, Берестова? Заходите по одному. Сначала вы, Евгения Павловна.

Женщина представилась капитаном Таисией Михайловной Деминой. Она посадила меня напротив стола, проверила паспорт и попросила начать с первого контакта с Алисой. Я положила перед ней лист с записями.

— Это вы составили вчера?

— В 18:22. Потом добавила сообщения и звонок в дежурную часть.

— По памяти сейчас ничего не исправляли?

— Нет. Если вспомню деталь, назову отдельно.

Она подвинула лист ближе, не хвалила мою предусмотрительность и не удивлялась. Такое отношение меня устраивало.

Я повторила разговор с Алисой, отделяя ее слова от своих выводов. Когда дошла до мужского голоса, Таисия уточнила:

— Узнали?

— Нет. Я слышала одну фразу. Голос взрослого мужчины, спокойный, без крика. Он назвал ее по имени и спросил, здесь ли она еще.

— Форма обращения на «вы»?

— Да.

— Фон?

— Ровный шум, похожий на вентиляцию. Шаги перед окончанием разговора. Других голосов и транспорта не слышала.

— Почему сначала ответили резко?

Вопрос был неприятным, но законным.

— Алиса состояла в отношениях с моим мужем. Вчера наш развод вступил в силу. Первые секунды я решила, что она хочет продолжить наш личный конфликт.

— Потом?

— Она назвала будущую просьбу Руслана, встречу в офисе и два акта. Я поняла, что смысл разговора другой, и спросила, где она. Связь оборвалась.

Таисия попросила телефон. Я добровольно разблокировала его, показала журнал вызовов, сообщения Алисе и переписку с Русланом. Она позвала специалиста, который объяснил, что именно будет скопировано и как это оформят. Телефон у меня не забрали: сделали копии нужных данных в моем присутствии, сверили номера и внесли сведения в протокол.

— Сообщение Руслана вы пересылали кому-нибудь? — спросила Таисия.

— На свою электронную почту. Льву не отправляла.

— Почему?

— Я не знала, кто пишет с незнакомого номера. И не считаю правильным передавать личные сообщения участникам поиска до полиции.

— Руслану сообщили, что идете сюда?

— Нет.

Она еще раз прочитала его просьбу об алиби.

— Вы уверены, что с восемнадцати до двадцати он у вас не был?

— Я была дома одна. В 18:12 говорила с Алисой. В 19:08 — с Русланом по телефону. Он сам признал, что не приезжал.

— Кто может подтвердить, что вы были дома?

— Камера подъезда, если запись сохраняется. В 17:46 курьер доставил продукты. В 18:03 я отправила Валентине Шаровой рабочий файл с домашнего подключения. В 19:26 звонила в дежурную часть. Моя машина стояла во дворе.

Таисия записала источники, не комментируя, что доказательства работали и против меня, и в мою пользу. В этом заключалось преимущество фактов: им не требовалось выбирать сторону.

— Вы угрожали Алисе когда-нибудь?

— Нет. До вчерашнего дня мы не разговаривали, если не считать ее случайного ответа на телефон Руслана. Тогда она отключилась.

— Пытались встретиться?

— Нет.

— Знали адрес?

— Нет.

— Хотели, чтобы она исчезла из вашей жизни?

Я посмотрела на Таисию.

— Я хотела, чтобы из моей жизни вышел Руслан. Это уже произошло. Алиса могла жить как считала нужным, если не просила меня участвовать во лжи.

Таисия подняла глаза от листа.

— Хорошо. Теперь отдельно назовите все, что вам известно о работе Руслана и этих актах.

Известно мне было немного. «Меридиан-Сервис» обслуживал инженерные системы коммерческих зданий. Руслан владел долей и отвечал за клиентов, Георгий Харитонов руководил компанией. Во время раздела имущества оценщик изучал документы, но меня интересовала стоимость доли, а не текущие договоры. Об Алисиной должности финансового контролера я знала со слов Руслана.

— Он говорил, почему попросил два часа? — спросила Таисия.

— Сказал, что Алиса может обвинить его в угрозе. Потом попросил меня ничего не говорить, пока он не разберется.

— Как вы поняли его слова?

— Как попытку получить ложное алиби. Что именно он хотел скрыть, я не знаю.

Когда протокол был готов, я прочитала каждую страницу. Исправила одну фразу: вместо «услышала угрожающий мужской голос» попросила написать «услышала мужской голос». Угрожающим он мне не показался; опасным был контекст, который я достроила позже.

— Верное замечание, — сказала Таисия и внесла правку.

Я подписала документ. Только после этого она разрешила Льву войти.

Он сел на стул у двери. Таисия сразу предупредила:

— Здесь обсуждаем только то, что Евгения Павловна согласна повторить при вас. Ваше объяснение возьмем отдельно.

— Понимаю.

Я кратко пересказала звонок. На словах об актах Лев поднял голову.

— Она говорила мне, что нашла повторные платежи. Суммы проходили дважды за одни работы.

— Когда? — спросила Таисия.

— В воскресенье. Без названий компаний. Я предложил ей уволиться и передать материалы юристу. Она ответила, что увольнение не отменит документы.

— Покажите письмо, которое получили ночью.

Лев открыл электронную почту и передал телефон Таисии. Она проверила адрес отправителя, время и служебные заголовки, потом попросила его переслать письмо на официальный адрес для сохранения. Читать вслух весь текст не стала.

— Здесь упомяната Евгения Павловна. Вы согласны показать эту часть? — спросила она у Льва.

— Да.

Он повернул экран ко мне.

«Лева, если это письмо пришло, я не смогла отменить отправку. Не жди и не ищи меня один. Обратись в полицию. Начни с Евгении Берестовой. Ее номер ниже. Она не враг».

Дальше стояла строка: «Сначала считаем выходы. Дом 17» — и несколько названий файлов, смысла которых я не поняла.

— Почему она написала, что я не враг? — спросила я.

— Потому что считала, что я могу решить иначе.

— На каком основании?

Лев встретил мой взгляд.

— На основании того, что вы бывшая жена мужчины, с которым она была. И, возможно, потому, что знала меня лучше, чем я хотел бы сейчас признать.

Ответ был честным, но легче от него не стало.

— Вы с сестрой обсуждали меня?

— Она сказала, что Руслан лгал вам обоим. Больше ничего.

— Ясно.

Он подался вперед.

— Вы ей угрожали?

В кабинете стало тихо. Таисия не остановила его: вероятно, ждала моей реакции.

— Этот вопрос мне уже задали и записали ответ.

— Я спрашиваю не для протокола.

— Тогда не спрашивайте. Вы родственник пропавшей, а не следователь. Я передала полиции телефон, сообщение вашего вероятного свидетеля и неприятные сведения о собственном бывшем муже. Этого достаточно, чтобы вы разговаривали со мной уважительно.

— Если Алиса боялась...

— Проверяйте все, что нужно. Через сотрудников. Я не буду доказывать вам свою невиновность в коридоре.

Он выпрямился. Несколько секунд смотрел на пол, затем сказал:

— Вы правы насчет формы вопроса. Извините.

— Только формы?

— Я обязан проверить любую угрозу сестре. Но делать это должен не я.

Таисия закрыла папку.

— На сегодня разговор закончен. Лев Аркадьевич, оставайтесь. Евгения Павловна, будьте доступны по телефону. Адрес работы и график передадите только мне, если понадобится.

Я поднялась.

Лев тоже встал.

— Отряд начинает работу, как только полиция подтвердит заявку, — сказал он. — Если вы вспомните место или человека...

— Сообщу Таисии Михайловне.

Он принял и эту границу.

В коридоре я проверила часы. Было 10:46. За окном дождь закончился, и на мокром асфальте резко отражались машины. Я собиралась ехать домой, когда меня догнала Таисия.

— Один вопрос. На работе вам могло прийти что-то от Алисы? Электронное письмо, документ, посылка?

— Рабочий адрес ЕДДС она могла узнать у Руслана. Личный — вряд ли.

Я открыла приложение почты. В папке уведомлений лежало сообщение, которое я не заметила вчера среди банковских писем.

«Заказное отправление прибыло в отделение. Отправитель: Снегирева А. А. Дата приема: 10.09.2026».

Ниже стоял срок хранения и номер почтового отделения рядом с моей работой.

Я показала экран Таисии.

— Не получайте одна, — сказала она. — Позвоните мне перед тем, как войдете в отделение. И ничего не вскрывайте на месте.

— У меня завтра смена с восьми утра.

— Сначала сообщите руководителю. Мы согласуем время.

Я кивнула и сделала снимок уведомления.

Алиса отправила письмо за четыре дня до звонка. Значит, в понедельник она не испугалась внезапно. Она ждала опасности заранее и почему-то решила, что ключ к ней должен пройти через женщину, чей брак помогла разрушить.

ГЛАВА 3. Конверт для полиции

В среду я приехала в ЕДДС в семь двадцать. До открытия почтового отделения оставалось больше часа, но смена начиналась в восемь, и личное письмо не давало мне права появиться позже без передачи дел.

В диспетчерском зале горели верхние панели. Ночная смена готовила сводку, Злата проверяла гарнитуру на втором пульте и одновременно спорила с поставщиком воды. У нее получалось вести два разговора так, что каждый собеседник считал себя единственным.

— Ты рано, — сказала она, прикрыв микрофон ладонью. — Валентина Ильинична велела меня не отпускать.

— Правильно велела.

— Значит, письмо действительно от нее?

Я остановилась у своего стола.

— Откуда ты знаешь?

— Руководитель сказала, что у тебя личные обстоятельства и полиция. Я умею складывать два слова, но могу перестать, если это закрытая информация.

— Перестань.

— Уже.

Она вернулась к поставщику. Я проверила журнал передачи, неисправность гарнитуры и карточки на длительном контроле. По привычке хотелось сесть на свое место и открыть рабочую программу, однако сегодня любое движение в ней можно было истолковать против меня. Я оставалась свидетелем по делу об исчезновении женщины, связанной с моей семьей, хотя семьи у нас с Русланом больше не было.

Валентина Ильинична вызвала меня в кабинет в половине восьмого. На столе перед ней лежал график.

— Демина звонила, — сказала она. — В девять ты получаешь письмо, потом едешь в отдел. До возвращения пульт принимает Злата.

— Я могу заступить сейчас и передать ей в восемь сорок.

— Не можешь. Передача оперативного места на сорок минут ради личного поручения — плохая организация. Ты либо работаешь смену, либо официально заменена на время.

— Тогда я передам все сейчас.

— Уже передала. Что в письме?

— Не знаю. Отправитель — пропавшая Алиса Снегирева. Полиция просила не вскрывать.

Она сняла очки.

— Ты использовала рабочую систему, чтобы искать сведения о ней?

— Нет.

— Собиралась?

— Нет.

— Хорошо. Если ее имя появится в карточке во время твоей смены, сразу сообщай старшему и передаешь обработку. Письменное уведомление о конфликте сделаем сегодня.

— Согласна.

— Я не прикрываю тебя, Женя. Я защищаю службу.

— Именно поэтому согласна.

Валентина Ильинична вернула очки на место.

— Поезжай. После отдела позвони. Если не сможешь вернуться, оформим замену до конца суток. В зарплате потеряешь сменные и ночные.

Я ожидала этого. Деньги были неприятной, но понятной ценой. Гораздо хуже было признать, что я могу сесть за пульт и услышать в каждом вызове связь с Алисой.

В 8:54 я вошла в почтовое отделение. Таисия ждала у окна выдачи вместе с сотрудником в штатском, который представился Сергеем Лапшиным. Они не подходили ко мне, пока оператор не проверила паспорт и не вынесла плотный белый конверт.

Получателем значилась «Берестова Евгения Павловна, ЕДДС города Реченска, до требования через отделение 31». Адрес был указан официальный. Номер телефона — мой личный.

На обороте Алиса написала печатными буквами:

«Вручить полиции, если после 21:00 14 сентября я не отвечу с моего номера. Внешний конверт можно открыть только при сотруднике».

Я показала надпись Таисии.

— Подпишите получение у оператора и больше ничего не делайте, — сказала она.

В машине полиции конверт не открывали. Мы доехали до отдела, поднялись в знакомый кабинет и дождались сотрудника, который оформил осмотр. Мне объяснили порядок и спросили, не возражаю ли я против вскрытия адресованного мне отправления. Я согласилась.

Внутри находился еще один пакет, заклеенный по краям прозрачной лентой. На нем стояло: «Сотруднику полиции». Рядом лежала записка для меня.

«Евгения Павловна. Я не имею права просить вас верить мне. Если вы получили это после указанного времени, передайте внутренний пакет полиции, не открывая. Руслан знает о двух актах и просил меня ждать. Я больше не могу. А. С.»

Текст занимал четыре строки. Ни извинения, ни рассказа об их отношениях. Я перечитала его один раз и отдала записку для оформления.

— Внутренний пакет не вскрывали? — спросил Сергей.

— Нет.

— Повреждения видели до получения?

— Нет. Лента целая, надпись читалась полностью.

Он сфотографировал упаковку, внес данные и вскрыл ее. Из пакета выпали маленький ключ на пластиковом кольце с номером 214 и сложенный лист.

Таисия прочитала его молча, затем передала коллеге. Мне содержания не показали.

— Евгения Павловна, вы знаете, где в городе есть хранилище с такими ключами? — спросила она.

— Нет. Номер без адреса мне ничего не говорит.

— Алиса упоминала ячейку?

— Никогда.

— Руслан?

— Нет.

— Вы готовы подождать, пока мы уточним несколько вопросов?

Я позвонила Валентине Ильиничне и попросила заменить меня до конца смены. Она уточнила, приняла ли Злата пульт, хотя прекрасно знала ответ, и только после моего подтверждения сказала:

— Оформляю. Следующая смена по графику, если полиция не даст другое уведомление.

— Спасибо.

— Благодарить будешь за выходной. За сегодня получишь по факту.

Мне назначили дополнительный опрос. Таисия спрашивала, могла ли Алиса знать адрес ЕДДС, кто имел доступ к моей корреспонденции и обсуждала ли я с Русланом номер 214. Ответы занимали минуты. Ожидание между ними — часы.

Около полудня в коридоре появился Лев. Он остановился, увидев меня.

— Что нашли?

— Я передала письмо полиции.

— В нем был ключ?

Вопрос он адресовал Таисии, вышедшей следом.

— Мы сообщим вам то, что можно сообщить родственнику, после первичной проверки,
— ответила она. — Сейчас мне нужно уточнить письмо вашей сестры.

— Я поеду с вами.

— Нет.

Он сжал губы, но спорить не стал.

— Тогда что от меня требуется?

— Доступ к полной версии отложенного письма и объяснение по строке о выходах. В кабинете.

Лев взглянул на меня.

— Вы знали о посылке вчера?

— Увидела уведомление после опроса. Конверт получила при сотрудниках и не открывала одна.

— Спасибо.

Я ожидала просьбы показать записку или назвать номер. Ее не последовало.

— За что?

— За то, что сделали именно так.

— Другого разумного варианта не было.

— Были. Просто они были хуже.

Таисия позвала его в кабинет. Я осталась в коридоре и впервые за утро позволила себе закрыть глаза. Сон не пришел. Через стену слышались голоса, но слов я не разбирала и не пыталась.

В два часа меня отпустили домой с условием оставаться на связи. По дороге я купила готовую еду и воду. В последние сутки я несколько раз вспоминала об ужине только тогда, когда он уже становился не нужен. Это не доказывало силу характера; это означало, что я хуже соображаю.

Дома я поставила телефон на зарядку и открыла копию оценки доли Руслана, сохраненную на личном компьютере. В документе было больше ста страниц: балансы, перечни договоров, оборудование, дебиторская задолженность. Название «Меридиан-Сервис» повторялось сотни раз. Номера 214 в оглавлении не было.

Я закрыла файл. Полиция не просила меня искать совпадения, а бессистемный просмотр чужих коммерческих данных мог дать только удобную догадку. Алиса подготовила конкретный путь. Следовало дать этому пути сработать.

В 16:40 позвонил Руслан.

— Ты была в полиции?

— Да.

— Зачем?

— Дала показания о звонке Алисы и твоём сообщении.

— Ты передала им нашу переписку?

— Твое сообщение с просьбой солгать — да.

— Я просил подождать.

— Это не было твоим решением.

— Сейчас компанию трясут. Алиса могла просто уехать, чтобы заставить нас искать ее.

— На чем основано это предположение?

— На том, как она вела себя последние дни.

— Конкретнее.

— Она всем угрожала документами, разговаривала так, будто только она одна понимает, что происходит. Потом исчезла. Разве это не похоже на демонстрацию?

— Нет. Это похоже на твою попытку объяснить ее отсутствие без ответа на вопрос, где она.

— Я не знаю, где она.

— Тогда сообщи полиции все, что знаешь о встрече.

— Уже сообщил.

Я не могла проверить его слова и не стала продолжать.

— Руслан, больше не звони мне по этому поводу. Если у тебя есть сведения об Алисе, передавай их сотрудникам.

— А если я хочу убедиться, что с тобой все в порядке?

— Для этого есть короткий ответ: в порядке. Остальное тебя не касается.

Он отключился без прощания.

В 18:05 Таисия попросила меня приехать в отдел к семи. Я спросила, нужна ли машина, и получила отрицательный ответ. Хранилище они нашли сами по договору, лежавшему вместе с ключом. Я была нужна, чтобы подписать завершение осмотра отправления и получить обратно внешний конверт, признанный моим.

Лев сидел в том же коридоре. На этот раз рядом, когда я заняла место у стены, он не заговорил первым. Через несколько минут вынес мне бутылку воды из автомата.

— Я купила свою.

— Тогда эту оставляю себе.

Он открутил крышку и действительно выпил половину, избавив меня от необходимости снова отказываться.

— Вам что-нибудь сообщили? — спросила я.

— Только то, что найдено хранилище и сестра оставила документы. Ячейку открывают по процедуре. Меня туда не пустили.

— И вы не поехали следом?

— Вы сейчас проверяете, способен ли я соблюдать запрет?

— Да.

— Способен. Радости это не приносит.

Уголок его рта чуть изменился, но улыбкой это не стало.

Таисия пригласила нас в кабинет около восьми. На столе не было ни ключа, ни найденных предметов.

— Сообщаю минимум, необходимый для дальнейшего взаимодействия, — сказала она.

— В ячейке находились накопитель и распечатанный индекс файлов. Все изъято и оформлено. Накопитель защищен. Его будут исследовать специалисты.

— В индексе есть адреса? — спросил Лев.

— Есть названия рабочих папок и пометки. Публично это не обсуждается. Вы продолжаете поиск по задачам координатора.

— Я не координатор.

— Это правильный ответ.

Таисия повернулась ко мне.

— Ваш конверт и уведомление приобщены в копии, оригинал внешней упаковки пока остается у нас с вашего согласия. Записку Алисы тоже оставляем. Возражения?

— Нет.

— На работу завтра выходить можете. Если появятся обстоятельства, свяжемся с руководителем официально.

Я подписала документ и спросила:

— Пометка об актах подтверждает слова Алисы?

Таисия посмотрела на Льва, потом на меня.

— В индексе есть строка: «Берестов: две подписи, работ нет». Пока это указатель на файл, а не доказанный факт. Сам файл еще не открыт.

Руслан говорил, что Алиса способна придумать что угодно. В запечатанной ячейке лежал накопитель, подготовленный за неделю до исчезновения, и перечень документов с его фамилией.

Я больше не могла считать просьбу об алиби испугом мужчины после неприятной ссоры. Руслан знал, что именно Алиса собиралась доказать, и предпочел поместить себя в моей квартире.

ГЛАВА 4. Чужое алиби

В четверг у меня оставалась назначенная встреча с Русланом. Отменять ее я не стала. Наша общая собственность была разделена, но лицевые счета за проданный дом закрывали через адвоката, и последнюю справку требовалось подписать обоим.

Я заранее сообщила Таисии время и место. Она не просила меня записывать разговор, задавать вопросы или изображать доверие. Если Руслан скажет что-то о деле, я должна была запомнить смысл и связаться с ней после встречи.

Офис адвоката находился на первом этаже жилого дома. Руслан пришел раньше и стоял у окна. За два дня он не изменился, хотя я почему-то ожидала увидеть на его лице след тех часов, которые он пытался провести в моей квартире.

— Привет, — сказал он.

— Добрый день.

— Мы можем поговорить до того, как придет Олег?

— О счетах — да.

— Ты понимаешь, что я не просил тебя покрывать преступление?

— Я понимаю только то, что ты просил подтвердить твое отсутствие там, где ты находился.

Он оглянулся на пустую приемную и понизил голос.

— Я был в офисе до шести. Потом ездил по городу. Если сказать, что я заезжал к тебе, разница составит минут сорок.

— Ты просил два часа.

— Потому что точное время никто не помнит.

— Я помню.

— Конечно. Ты записываешь, когда вынесли мусор.

Раньше такая фраза заставила бы меня защищаться: объяснять, что я не контролирую его, что время нужно для работы, что дома я умею быть другой. Теперь объяснение не требовалось.

— Во сколько ты встретился с Алисой?

— Около половины шестого.

— Где?

— В офисе.

— Во сколько уехал?

— Без пяти шесть. Может, в шесть.

— Она позвонила мне в 18:12 оттуда.

— Я не утверждал, что она уехала вместе со мной.

— О чем вы говорили?

Руслан потер переносицу. За годы брака я видела этот жест перед разговорами о деньгах, когда решение уже было принято без меня.

— Она нашла расхождения в платежах и решила, что Георгий выводит средства. Там обычная рабочая путаница: часть работ закрывают позже, подрядчики меняют назначение платежа. Алиса не захотела слушать объяснения.

— Два акта подписал ты.

Руслан задержал на мне взгляд.

— Тебе показали файлы?

— Мне сообщили строку из индекса. Накопитель исследуют специалисты.

Руслан слишком быстро отвел взгляд.

— Ты не должна была участвовать в этом.

— Алиса сама отправила письмо на мое имя.

— Она специально втянула тебя. Хотела, чтобы я выглядел виноватым перед обеими.

— Она пропала.

— Может, уехала. Может, сидит у подруги и ждет, когда я начну оправдываться.

— Ее брат подал заявление. Паспорт остался дома. Она подготовила отложенное письмо и ячейку. Ты действительно считаешь это способом добиться от тебя объяснений?

Руслан прошел к кулеру, налил воду и не выпил.

— Я не знаю, что считать. Два дня меня вызывают, проверяют машину, задают одни и те же вопросы. В компании клиенты требуют комментариев. Все смотрят так, будто я ее убил.

— А ты пытаешься сделать свидетелем меня.

— Я хотел убрать лишнее подозрение. И защитить тебя тоже.

— Каким образом моя ложь защищала меня?

Он не ответил.

В приемную вошел адвокат Олег Савельевич, остановился у двери и окинул нас быстрым взглядом.

— Если разговор относится к исчезновению гражданки Снегиревой, продолжать его здесь без ваших представителей не советую. По нашей встрече осталось закрыть коммунальные платежи.

— Согласен, — сказал Руслан.

Мы прошли в кабинет. Двадцать минут сверяли показания счетчиков, дату продажи и распределение последнего счета. Руслан один раз ошибся в номере договора, и я поправила. Это произошло автоматически. Я знала цифры лучше него и не собиралась намеренно оставлять ошибку ради красивой независимости.

После подписания Олег Савельевич раздал нам копии.

— Совместных обязательств по дому больше нет. Если дополнительных вопросов нет, встреча окончена.

Я убрала документ в папку.

Руслан задержался у двери.

— Женя... Евгения, подожди.

Олег Савельевич остался в кабинете. Его присутствие не превращало разговор в официальный опрос, но хотя бы исключало дальнейшие споры о сказанном.

— Я встречался с Алисой в 17:40, — произнес Руслан. — Уехал в 18:05. Она была жива и собиралась работать. Я ее не трогал.

— Это ты сообщил полиции?

— Сказал, что видел ее ближе к шести.

— Значит, не сообщил.

— Пять минут ничего не меняют.

— Тогда почему ты их убрал?

Он поставил стакан с водой на край стола.

— Потому что наш разговор был неприятным. Она сказала, что во вторник пойдет к внешнему юристу и передаст документы. Я попросил дать мне время. Сказал, что ее версия погубит компанию и людей. После ее исчезновения это звучит хуже, чем было.

— Как было, решат по фактам. Ты видел ее в 18:05. В 19:08 попросил меня поместить тебя у себя с шести. Передай полиции точное время.

— Ты уже передала.

— Передала свои сведения. Твои действия остаются твоими.

— Ты хочешь, чтобы меня задержали?

— Я хочу, чтобы Алису нашли. Твое удобство с этим больше не связано.

В машине я позвонила Таисии и сказала, что Руслан уточнил время встречи. Она попросила приехать и дополнить показания. Я поехала прямо в отдел.

Протокол занял сорок минут. Я отдельно указала, что разговор проходил после имущественной встречи и адвокат мог слышать часть. Таисия спросила, предъявлял ли Руслан угрозу, пытался ли передать деньги, просил ли удалить переписку. Ничего такого не было. Его давление оставалось привычным: он предлагал разделить последствия решения, которое принял один.

— Мы проверим его время, — сказала она. — Вы публично этот разговор не пересказываете.

— Не собираюсь.

— В городском канале уже появилась версия о конфликте жены и любовницы.

Она повернула ко мне экран. Под короткой заметкой о пропавшей женщине анонимный пользователь написал: «Спросите бывшую жену ее мужчины. Та давно обещала устроить им обоим».

— Я ничего подобного не говорила.

— Ваше утверждение зафиксировано. Не отвечайте. Имя Руслана пока не было в официальной ориентировке, значит, источник знает об отношениях из другого места.

— Или просто прочитал старые фотографии.

— Возможно. Именно поэтому не достраиваем версию.

Я узнала в ее формулировке собственную рабочую привычку и впервые за день почувствовала, что разговор ведет человек, которому не нужно напоминать о границе между фактом и выводом.

У отдела меня ждал Лев. Он стоял не у выхода, а во дворе общественного центра через дорогу, где волонтерский отряд готовил штаб. На складных столах лежали стопки ориентировок, маркеры и карты районов.

— Таисия сказала, что вы можете подойти, если хотите участвовать в открытой части поиска, — сообщил он. — Это приглашение, не обязанность.

— Мое имя уже обсуждают под ориентировкой.

— Видел. Я попросил администраторов убрать комментарии с личными данными.

— Убрать мое имя из интернета вы не сможете.

— Не смогу. Но в материалах отряда его не будет.

— Вы считаете, мне стоит участвовать?

— Мое мнение сейчас не должно решать.

К нам подошел крепкий мужчина в серой толстовке и представился Арсеном Ковалевым, координатором поиска.

— Лев, на минуту, — сказал он.

Они отошли к машине, но не настолько далеко, чтобы делать вид, будто разговор секретный.

— По поиску Алисы решения принимаю я, — произнес Арсен. — Ты родственник. Получаешь те же задачи, что другие подготовленные участники, и ни одной дополнительной. Согласен?

Лев ответил сразу:

— Согласен.

— Закрытые сведения полиции не вытягиваешь, одиночные выезды не устраиваешь, группы без отметки не собираешь.

— Да.

— Тогда сегодня работаешь с картами и заявкой. На маршрут не идешь, пока не поспишь.

Лев коротко кивнул. Он мог спорить: у него было семь лет опыта, а пропала его сестра. Вместо этого подошел к столу и начал раскладывать уже проверенные адреса по секторам.

Я не знала его достаточно, чтобы восхищаться. Но увидела поступок, который Руслану всегда давался трудно: человек признал, что личная вовлеченность уменьшает его право решать, даже если опыт говорит обратное.

Арсен повернулся ко мне.

— Евгения Павловна, вы хотите помочь или проверить, что мы делаем?

— Помочь. Но сегодня я после опроса и почти не спала.

— Тогда сегодня оставите контакт и уйдете отдыхать. Завтра в девять инструктаж. Работаем только группами, задания фиксируем. С камерами просим владельцев сохранить записи, сами ничего не изымаем. На закрытую территорию не входим.

— Поняла.

— Вам может быть тяжело из-за публичной реакции.

— Это не влияет на способность записать адрес.

— На способность — нет. На решение продолжать после смены — влияет. У нас люди иногда хотят отработать вину до обморока. Такие участники мешают.

— Я приду отдохнувшей.

Он записал мой номер и выдал памятку. Лев не вмешивался.

Перед уходом я прочитала лист до конца. Внизу стоял отдельный пункт: участник вправе прекратить задачу без объяснения личных причин, но обязан сообщить старшему и вернуться в штаб. Я уточнила у Арсена, относится ли это к родственникам и свидетелям.

— Ко всем, — ответил он. — Полезность не измеряется количеством часов на улице.

Лев услышал и ничего не добавил. Мне предстояло искать женщину, с которой у бывшего мужа были отношения, но от меня не требовали ни публичного великодушия, ни наказания усталостью. Только выполнить назначенную работу.

Вечером отряд опубликовал ориентировку. На фотографии Алиса стояла у светлой стены, смотрела прямо в камеру и не улыбалась. Под снимком были рост, возраст, одежда, дата исчезновения и телефон горячей линии. Ни слова о Руслане, документах или последнем звонке.

Комментарии росли быстрее, чем их успевали чистить. Кто-то видел похожую женщину в автобусе, кто-то — на вокзале, кто-то требовал проверить мужа и жену. Я закрыла приложение, но через минуту открыла снова.

Арсен написал в общем чате: «Нужны только наблюдения: место, время, что именно видели. Оценки отношений не проверяем».

Первый полезный комментарий появился в 21:16.

«В понедельник около семи у офиса на Промышленной стояла серая служебная машина. Женщина, похожая на Алису, разговаривала с водителем. На заднем стекле была круглая оранжевая наклейка. Я работаю в соседнем магазине, время могу уточнить по закрытию кассы».

Арсен ответил свидетелю в личных сообщениях и передал контакт полиции.

У Руслана была темно-синяя машина без наклеек. Серый служебный автомобиль означал еще одного участника последнего маршрута. И впервые за три дня след вел не к нашему бывшему браку, а к работе Алисы.

ГЛАВА 5. Не моя соперница

В пятницу в девять утра Арсен начал инструктаж с запретов. Не входить в подъезды без открытого доступа. Не представляться сотрудниками полиции. Не задавать свидетелю вопрос так, чтобы ответ уже содержался в формулировке. Не забирать записи камер на личные телефоны. При обнаружении предмета не трогать, отметить место и вызвать старшего.

Никто не возражал. В комнате общественного центра собралось двадцать три человека, и большинство пришли не впервые. Они проверяли заряд телефонов, получали жилеты и записывались в группы. Отсутствие торжественных речей действовало лучше призыва держаться: каждый понимал, что надо делать.

Мне выдали маршрут из восьми открытых точек в Заречье — аптеку, два магазина, автомойку, кофейный павильон, остановку, парковку и круглосуточную пекарню. Старшей группы была Марина, преподаватель колледжа с пятилетним опытом поиска. Кроме нас шли двое мужчин, Кирилл и Андрей.

Лев работал у дальней стены с картами. Арсен оставил его в штабе: принимать данные от групп, отмечать уже проверенные участки и не принимать решений по сестре. Услышав распределение, Лев только записал номера наших секторов.

Я подошла к нему перед выходом.

— У вас есть фотография Алисы без обработки? На ориентировке лицо слишком светлое.

Он открыл папку, выбрал снимок и показал Арсену. Только после его согласия фотографию отправили старшим групп.

— Сделана в июле, — сказал Лев. — Волосы той же длины.

На снимке Алиса сидела за столом на открытой веранде, держала чашку обеими руками и шурилась от солнца. Рядом не было Руслана. Я впервые видела ее фотографию, на которой она существовала не как доказательство измены.

— Спасибо, — сказала я.

— Если станет тяжело, сообщите Марине.

— Вы всем это говорите?

— Нет. Вам — потому что причина очевидна.

— Причина очевидна людям в комментариях. Вы можете спросить, нужна ли мне замена.

Он принял замечание без защиты.

— Нужна?

— Нет.

— Тогда удачи на маршруте.

Марина позвала группу, и мы вышли.

Работа оказалась медленной. В первой аптеке камера смотрела только на кассу. Во втором магазине запись хранилась три дня и уже была перезаписана. В кофейном павильоне продавец уверенно узнал Алису, но назвал воскресенье, когда она покупала воду. Марина записала дату и закрыла эпизод.

— Почему не оставить как возможный? — спросил Кирилл на улице.

— Потому что у нас понедельник после восемнадцати часов, — ответила Марина. — Если сложить все похожие лица за неделю, получим карту покупателей города.

Он кивнул и больше не спорил.

На остановке пожилая женщина заявила, что видела Алису в понедельник поздно вечером. Она назвала светлое пальто и красную сумку. На ориентировке пальто было темным, сумка — черной. Марина не стала поправлять свидетельницу сразу.

— Вы узнали лицо или решили по фотографии, которую я показала? — спросила она.

- Лицо похожее. Волосы такие же.
- Куда женщина села?
- В двадцать четвертый автобус.

По расписанию последний двадцать четвертый уходил в 18:40, а «поздним вечером» женщина назвала время после десяти. Оказалось, речь шла о вторнике предыдущей недели: свидетельница возвращалась с приема в поликлинике и могла подтвердить дату талоном.

Мы поблагодарили ее и отметили контакт как проверенный эпизод до исчезновения. Женщина расстроилась, будто дала неправильный ответ на экзамене.

- Вы помогли отделить один день от другого, — объяснила я. — Это тоже важно.

Она согласилась оставить номер. Я поняла, почему опрос нельзя превращать в соревнование находок: человек начинает защищать полезность собственного воспоминания и незаметно добавляет недостающие детали.

У магазина на Промышленной нас ждала Светлана, автор вчерашнего комментария. Она была старшим кассиром и закончила смену в 19:32. Время проверила по отчету, прежде чем согласилась на разговор.

— Я уже все сказала сотруднику, — предупредила она. — Не хочу, чтобы потом мое имя где-нибудь написали.

— Мы не публикуем свидетелей, — сказала Марина. — Нам поручено проверить соседние точки и уточнить, где стояла машина. Если не хотите повторять, покажите место.

Светлана вывела нас к боковой стене магазина. До офиса «Меридиан-Сервиса» было около ста метров. Между зданиями проходила узкая дорога к парковке.

— Серая машина стояла здесь, — сказала она. — Не легковая, что-то вроде небольшого фургона с окнами. Мужчина был за рулем. Женщина подошла со стороны офиса.

- Что именно заставило вас обратить внимание? — спросила Марина.

— Он перегородил выезд поставщику. Наш водитель ругался, а тот не двигался. Потом женщина села, и они уехали.

- Вы видели, что она села?

— Дверь открыла и наклонилась внутрь. Дальше обзор закрыл грузовик. Я не могу сказать, уехала ли она в этой машине.

Марина повторила: женщина открыла дверь, но момент отъезда Светлана не видела. Та подтвердила.

- Наклейка на заднем стекле какая была? — спросила я.
- Оранжевый круг и черная буква. Может, «М», может, знак какой-то.
- Вы видели текст или только форму?
- Круг точно. Букву не поручусь.
- Время?

- После семи. Мы закрыли одну кассу в 18:55, а отчет сняли в 19:07. Между этим.

Светлана показала на небольшую камеру над служебным входом.

- Она могла снять дорогу, но запись у директора. Я вчера попросила не удалять.

— Правильно, — сказала Марина. — Полиция свяжется с владельцем. Нам файл не передавайте.

Я записала только наблюдаемые детали: серый автомобиль, положение у выезда, женщина со стороны офиса, дверь, диапазон времени, круглая наклейка. Внутри возникало желание спросить, была ли Алиса напугана, торопилась ли, спорила ли с водителем. Но Светлана не назвала ничего подобного сама. Значит, вопрос подсказал бы ей чужую версию.

Мы прошли оставшиеся точки. На парковке нашли камеру, направленную в другую сторону. В пекарне сохранилась запись входа, но Алиса туда не заходила. Автомойка закрывалась на ремонт и данных за понедельник не имела.

К трем часам пошел дождь. Марина вернула группу в штаб, хотя Андрей предложил проверить еще два двора.

— Они в задании другой группы, — ответила она. — Мы шесть часов на ногах. После усталости люди начинают узнавать нужное лицо в каждом прохожем.

Никто не стал продолжать самостоятельно.

В штабе было теснее, чем утром. Группы сдавали листы, координаторы отмечали отрицательные результаты. На большой карте серые метки занимали больше места, чем красные. Я раньше считала, что поиск движется только находками. Теперь увидела цену правильно закрытого адреса: туда не отправят еще десять человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.